

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА Н.С.ХРУЩЕВА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО*

Определение «аграрная политика Хрущева», разумеется, до известной степени условно, грешит персонификацией. Это хорошо понимали даже участники мартовского 1965 г. Пленума ЦК («Пленума победителей»), состоявшегося через полгода после октябрьских событий 1964 г., когда имя Хрущева, и это понятно, было у всех членов Президиума и Пленума ЦК на устах, а об органах «коллективного руководства» старались не вспоминать. Через полгода все было иначе: имя Хрущева не упоминалось ни в докладе Брежнева, ни в постановлении пленума, да и в выступлениях ораторов (таков был сценарий). Правда, почти все рассуждали о «волютаризме», «субъективизме», «нарушении экономических законов социализма» и т.п, имея в виду «отставника». А «фигура умолчания» появилась не в последнюю очередь в связи с тем, что когда элитные пропагандисты из Кремля начали «разъяснять» трудящимся причины отставки Хрущева и решения октябрьского, ноябрьского и мартовского пленумов, на них обрушился шквал «провокационных» (по старой терминологии) вопросов, например, таких: «Встречал ли Хрущев хоть какой-то отпор со стороны членов Президиума ЦК или они его также активно хвалили, как теперь ругают?»; «Почему ошибки признают через много лет, когда государству и народу нанесен огромный ущерб?»; «Хрущев, оказывается, наделал много ошибок ... где же был Президиум ЦК?» и т.д. и т.п. ¹

И в самом деле, не один же Хрущев вершил аграрную политику, в той или иной мере функционировали все партийные структуры, регулярно созывались съезды партии, прошло 14 «сельскохозяйственных» пленумов ЦК.

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 марта 1999 г.

За период с осени 1960 по июнь 1964 г. первый секретарь направил в Президиум ЦК 12 записок по различным проблемам развития сельского хозяйства, каждая из которых обсуждалась, а некоторые даже рассылались на места для руководства местным партийным органам, и тем не менее названное определение, особенно с конца 50-х — начала 60-х гг., когда фактически установилась диктатура личной власти Хрущева, вполне уместно, во многом оправдано, как, скажем, «сталинская коллективизация», «ленинский нэп», «реформы Горбачева». Хрущеву как реформатору не повезло: пережив в 1953—1958 гг. свой «звездный час» и замахнувшись на «великое десятилетие», он с начала 60-х гг. стал терять авторитет, а после отстранения от власти был предан забвению, как бы вычеркнут из истории почти на 20 лет, пока у власти находился Брежнев. И все это не могло не сказаться на историографии аграрной политики и аграрного реформирования под руководством Хрущева. По существу условия для объективной разработки данной темы стали создаваться с начала 90-х гг., когда были опубликованы стенограммы июньского 1957 г. и октябрьского 1964 г. пленумов ЦК, документы о событиях в Новочеркасске («Исторический архив», 1993—1994 гг.), подборки документов из Архива Президента Российской Федерации и ЦА ФСБ («Советские архивы», «Источник», сборники «Неизвестная Россия XX в.») и др. Принципиальное значение имело рассекречивание части документов бывшего текущего архива Политбюро (ныне ЦХСД), среди которых стенограммы пленумов ЦК, документы Сельхозотдела и Общего отдела ЦК и др. Из опубликованных документов следует назвать восьмитомник Хрущева «Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства», изданный при его жизни, и по существу еще невостребованный историками, и воспоминания Хрущева-пensionера, продиктованные на склоне жизни («Вопросы истории», 1990—1995 гг.).

Современная историография весьма небогата и это понятно: после безудержного захваливания реформатора, когда он находился у власти, последовало многолетнее забвение, даже отлучение от его детища — целинной эпопеи, приписывание всех «руководящих заслуг» в этом Брежневу, не без участия в этой явной фальсификации его самого. А затем, вплоть до конца 80-х гг., — полная потеря интереса историков, уставших от перемены оценок и точек зрения идеологических наставников, как к данной теме, так и самому реформатору.

Из работ 90-х гг. можно отметить исследования М.А.Безнина и Л.Н.Денисовой, посвященные российскому Нечерноземью и более широкого плана монографию О.М.Вербицкой, охватывающую первые послевоенные годы и первый этап хрущевских реформ. Особое место в новейшей историографии данной темы занимает обобщающее исследование академика А.А.Никонова об аграрной науке и политике России с XVIII по XX в. Специальные главы посвящены первым послевоенным годам и аграрной политике Хрущева, которую автор сначала постигал не в тиши кабинетов и библиотек, а на практике, будучи министром сельского хозяйства Латвии (вплоть до 1961 г.), в ходе проходивших в то время пленумов ЦК, в том числе «целинного» февральско-мартовского 1954 г., в стенограмме которого значится и его выступление. А поста министра, как выясняется из книги, будущий академик, президент ВАСХНИЛ, директор Аграрного института, лишился вскоре после «обмена мнениями» по поводу кукурузы с внезапно нагрянувшим в Латвию Хрущевым. «Вы не любите кукурузу», — сделал вывод глава партии и государства. Однако Никонов далек от того, чтобы задним числом «сводить счеты» (как это просматривается в недавно опубликованных мемуарах Д.Т.Шепилова) с бывшим «собеседником». Он дает объективную характеристику Хрущеву как человеку и политику, весьма позитивно в целом оценивает его реформы, в том числе и освоение целины².

Напомню, что политические предпосылки к восхождению Хрущева по ступеням власти, а, следовательно, и для проведения аграрных реформ, создавались постепенно. А основными рубежами стали: арест и устранение Берия — самого могущественного из «наследников» вождя, олицетворявшего репрессивно-карательную систему тоталитарного государства; XX съезд КПСС, знаменитый доклад Хрущева на последнем (закрытом) заседании съезда о культе личности и его последствиях; июньский 1957 г. пленум ЦК, покончивший с последней антихрущевской оппозицией сталинистов. Важнейшим результатом этих акций явились избрание Хрущева первым секретарем ЦК партии (сентябрь 1953 г.), лишение Маленкова поста главы правительства и утверждение на эту должность сначала Н.А.Булганина (январь 1955 г.), а затем и самого Хрущева (март 1958 г.) и постепенное установление его авторитарной власти. Следует подчеркнуть, что первые две акции потребовали от него целеустремленности, решительности, большого личного мужества. Хрущев рисковал не только своей дальнейшей политической карьерой, но и жизнью.

Первое пятилетие после сентябрьского пленума 1953 г., как известно, — наиболее успешный и результативный период в деятельности Хрущева, когда аграрное реформирование было нацелено на решение назревших экономических и социальных проблем деревни, предоставление крестьянству, работникам совхозов и МТС большей самостоятельности в планировании и управлении производством, внедрение принципа материальной заинтересованности в труде (повышение почти в 3 раза заготовительных и закупочных цен, сокращение налогообложения, повышение оплаты труда и т.д.).

Отдача пришла очень быстро. Хрущев имел все основания заявить на пленуме ЦК партии в декабре 1958 г., что был совершен «гигантский скачок в развитии сельского хозяйства». Валовая продукция выросла почти в 1,5 раза, а товарная — в 1,8 раза, в том числе животноводче-

ская — почти вдвое. Это было достигнуто как за счет интенсивных факторов, так и экстенсивных (около половины товарного зерна давала целина). Денежные доходы колхозников в 1958 г. по сравнению с 1953 г. возросли в 2,8 раза. Многие колхозные семьи всех регионов страны в конце 50-х гг. получали от общественного и личного подсобного хозяйства, полностью освобожденного от обязательных поставок государству натуральной продукции, доход, обеспечивающий им высокий достаток. Стали вводиться пенсии, началась постепенная паспортизация жителей села.

Мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского пленума и последующими законодательными актами, был в основном исчерпан к концу 50-х гг. Здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек, выявившихся в ходе реформирования. Так, крайне непоследовательно, противоречиво вводилась научно-обоснованная система земледелия на целине, затягивалось решение проблем жилья и быта целинников; волюнтаристский лозунг Хрущева «догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции на душу населения», ставший партийной директивой, обернулся на практике опасной погоней за «рекордами» вплоть до очковтирательства; с большим опозданием и оговорками отказывался лидер партии от кукурузы как «чудо-культуры», достойной распространения на всей территории огромной страны; крайне непродуманной оказалась постановка Хрущевым на декабрьском пленуме ЦК 1958 г. вопроса о резком сокращении индивидуального скота работников совхозов, а в июне 1959 г., тоже на пленуме — о запрещении содержать скот жителям городов и рабочих поселков. Эти указания, облеченные в форму директив или юридических актов, в начале 60-х гг. обернулись настоящим бедствием для семей сельских жителей и многих горожан. «Рязанский

феномен» дал о себе знать сокращением поголовья скота и в колхозно-крестьянском секторе.

Одна из самых прогрессивных, антитоталитарных и многообещающих социально-экономических реформ Хрущева — реорганизация МТС (февраль-март 1958 г.) из-за предельно сжатых сроков осуществления (вместо 3-х лет, предусмотренных законом, «уложились» за один год) привела к крайне негативным последствиям (была подорвана ремонтная база бывших МТС, колхозы, особенно слабые, понесли большие убытки при покупке техники, произошла «утечка» кадров механизаторов и др.), на преодоление которых потребовалось несколько лет.

Одна из причин таких «забеганий вперед» — идеологическая зашоренность, вера в незыблемость принципов социализма, в огромные преимущества социалистического строя, неизбежность перерастания его в бесклассовое коммунистическое общество не в столь уж отдаленном будущем. Об этом сначала возвестила резолюция XXI съезда КПСС о контрольных цифрах семилетнего плана (февраль 1959 г.), а затем новая Программа КПСС, принятая XXII съездом в октябре 1961 г.

Вторая причина — складывавшаяся внутри высшего партийного руководства после июньского пленума 1957 г. диктатура личной власти Хрущева, что в полной мере проявилось на пленуме ЦК КПСС в декабре 1959 г. в докладах и выступлениях его участников, единодушно восхвалявших и полностью одобрявших деятельность Хрущева по руководству сельским хозяйством. В оборот был введен термин «наш дорогой Никита Сергеевич», ставший названием документального фильма, славословия в его адрес сопровождалось «продолжительными аплодисментами». Менее чем через два года был восстановлен сталинский ритуал «вставания» всех членов пленума при прославлении лидера партии. Руководство сельским хозяйством было полностью отдано на откуп Хру-

щеву, явно переоценены достижения сельского хозяйства в 1959—1960 гг.

Хрущев это понял в конце 1960 г. В Записке в Президиум ЦК КПСС (29 октября 1960 г.) он предостерег от «благодущия, самоуспокоенности и зазнайства первыми успехами в развитии сельского хозяйства», вынужден был признать, что ситуация в животноводстве столь серьезна, что если не принять необходимые меры, «мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 г.»; крайне был озабочен тем, что «не все чисто» с выполнением обязательств по животноводству, писал о серьезных недостатках в земледелии, особенно на целине³.

Анализ аграрной политики Хрущева в годы семилетки (с рубежа 50-х — 60-х гг. по сентябрь 1964 г.), проведенный на основе совокупности различного вида источников (политических, социально-экономических, демографических) показывает, что эта политика не была однородной, прямолинейной, отражая попытки и поиски реформатора, весьма энергичные, хотя порой хаотичные, найти выход из трудной ситуации, не допустить падения производства и жизненного уровня населения, закрепить достигнутые результаты предшествующего пятилетия. Отчасти это удалось. Однако сначала Хрущев начал действовать на основе отвергнутых сентябрьским пленумом административно-командных методов, усиления диктатуры партии. Особенно это проявилось на пленуме ЦК в марте 1962 г., обсуждавшем задачи партии по укреплению руководства сельским хозяйством на «современном этапе коммунистического строительства». А начало этого этапа определялось новой Программой КПСС, которая, исходя из того, что страна вступила в «период развернутого строительства коммунизма», провозгласила «возрастание роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества». Хотя по определению той же Программы, «государство диктатуры пролетариата превратилось в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа».

Хрущев потребовал от партийных организаций отрешиться от принципа «невмешательства в дела колхозов и совхозов», «активно вмешиваться в их работу», «повсеместно влиять на ход производства»⁴. Тем самым фактически дезавуировались постановления 1955–1956 гг. об изменении практики планирования сельского хозяйства, о расширении прав колхозов и совхозов в управлении хозяйствами. В соответствии с этими установками была осуществлена перестройка управления аграрным сектором — созданы производственно-территориальные управления сельским хозяйством, а затем краевые и областные партийные организации разделены на промышленные и сельские, в результате чего численность партийных чиновников на селе возросла примерно в два раза. А раз партийных наставников стало больше, то должна была, как полагали, возрасти руководящая роль партии.

Хрущев также надеялся добиться перелома в сельском хозяйстве и прежде всего в животноводстве путем «искоренения» последствий несостоятельной (экстенсивной) травопольной системы земледелия акад. Вильямса, заменив ее наиболее прогрессивной, на его взгляд, пропашной. Это означало отказаться на всей территории страны от посевов многолетних и однолетних трав, распахать луга и засеять их, а также чистые пары, кукурузой и другими культурами. Подобные рекомендации были совершенно не приемлемы для Казахстана и других районов освоения целины, где чистые пары являлись основным средством борьбы с сорняками, и Прибалтики, для которой распашка лугов могла нанести серьезный урон животноводству. Да и сам Хрущев, видимо, не очень верил в скорую отдачу предложенной им меры. Менее чем через три месяца после пленума он «дополнил» ее более быстродействующей — повышением розничных цен на животноводческую продукцию при одновременном повышении закупочных цен примерно на 35% (постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г.). Исходили из того, что повышение последних создаст дополнительные стимулы для колхозов и совхозов, позволит увеличить про-

изводство этой продукции. Однако эта разумная и оправданная мера должна была проводиться исключительно за счет населения, главным образом горожан. Реакция последних была незамедлительной и, разумеется, резко негативной, о чем информировали высшее руководство страны сводки КГБ. Выяснилось, что рядовые граждане (в отличие от Хрущева) быстро разобрались, в чем основная причина повышения розничных цен. «Неправильные постановления правительства, считали они, — результат просчетов властей, принуждавших людей резать коров, отказываться от выращивания молодняка». «Откуда же будет мясо, — недоумевали люди, — если уничтожить скот»⁵.

Стихийные выступления рабочих происходили в Новочеркасске и в других городах, но Хрущев их быстро пресек, опираясь на всю мощь «общенародного государства» в лице милиции и даже войск. Пролилась кровь нескольких десятков рабочих, многие «зачинщики и активные участники массовых беспорядков» были приговорены к различным срокам заключения. О «новочеркасской трагедии» средства массовой информации ничего не сообщали. Это «строго секретная» государственная тайна стала достоянием общества только спустя 30 лет.

За счет повышения закупочных цен и других мер властям удалось несколько улучшить положение в животноводстве, до «возвращения к уровню 1953 г.» дело не дошло. Однако 1963 г. выдался крайне неблагоприятным для урожая, самым засушливым после 1946—1947 гг. Урожайность и валовые сборы снизились почти на 30%. Расчеты государства на значительное увеличение заготовок рухнули. Для предотвращения голода Хрущеву пришлось прибегнуть к массовым закупкам зерна за рубежом. Вот что он говорил в этой связи в докладе на пленуме ЦК в декабре 1963 г. (доклад, а затем и стенограмма пленума были опубликованы):

«Нашлись, оказывается такие люди, которые рассуждают: как же так, раньше при меньших валовых сборах

зерна сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина — Молотова, то тогда и в нынешнем году можно было бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали»⁶. Хрущев, разумеется, прав: в случае чрезвычайной ситуации (стихийные бедствия, массовый голод, война) государство не только имеет право, но и обязано во имя спасения людей разбронировать государственные резервы продовольствия, на то они в принципе и создаются. А потом, когда положение стабилизируется, возобновить их пополнение. Принцип «неодоедим, а вывезем» аморален. Однако с начала 60-х гг. государственные резервы зерна не только не восполнялись, но и непрерывно сокращались, а после 1963 г. импорт зерна стал своего рода закономерностью. В этом году было закуплено 9,4 млн.т — около 10% от валового урожая. Такая «квота» сохранялась и в последующие годы, поскольку и после отставки Хрущева «импортные операции по хлебу» неизменно продолжались. На эти операции в 1963 г. было израсходовано 372,2 т золота — около трети золотого запаса страны⁷.

Однако нуждается в объяснении такой феномен — почему до начала 60-х гг., даже и в случае недорода, проблема массового импорта зерна не стояла, а возникла только в последующие годы в условиях, когда поступательный рост зерновой отрасли не только продолжался, но, как правило, не опускался ниже уровня 1958 г. — года самых высоких показателей по валовому сбору урожайности и заготовкам зерна в стране? Основную роль здесь сыграл, как мне представляется, демографический фактор, точнее — рост миграции, в том числе и стихийной, из села в город. Она стала усиливаться с конца 50 — начала 60-х гг.

Этому в немалой степени способствовало ослабление после XX съезда партии паспортного режима в городах,

перебравшихся в город селян милиция не преследовала. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе крестьян, лишенных права получения паспортов согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. Колхозникам, выезжавшим в другие области, края и республики на сезонные работы («отходникам»), органы милиции стали выдавать краткосрочные паспорта. Временные паспорта получали и выезжавшие из деревни в город на постоянную работу, учебу и т.д. По существу колхозникам было предоставлено юридическое и фактическое право свободного выбора места проживания и профессии, и они этим воспользовались.

Разумеется, тенденция миграции сельского населения в город — в целом прогрессивная, закономерная для высокоразвитых обществ, строящих экономику на индустриальной основе. В той или иной мере она обусловлена развитием производительных сил в аграрном секторе, ростом производительности крестьянского труда. Однако эти факторы применительно даже к периоду 1953—1958 гг. не являлись ведущими, определяющими, а на рубеже 50—60-х гг. их воздействие на производство снизилось. Возобладала миграция стихийного характера. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов владельцев приусадебных хозяйств, грубые ошибки местных властей, допущенные при преобразовании колхозов в совхозы, сселение деревень, инициированное самим Хрущевым и др.

Демографическая статистика свидетельствует, что на протяжении 1960—1964 гг. из деревни в город переселилось почти 7 млн. селян, в основном бывших колхозников. С 1961 г. впервые в стране стало меняться (в пользу города) соотношение между городским и сельским населением: в конце года оно составило 51 и 49%, через год — 52 и 48%, а в 1964 г. достигло 53 и 47%. Примечательно, что из покинувших деревню в 1960—1964 гг. 7 млн. чел., 6 млн. приходилось на лиц в возрасте от 17 до

29 лет, т.е. на молодежь. Средний возраст работающих в сельском хозяйстве превысил 50 лет⁸. А это означало не только рост городских потребителей сельскохозяйственной продукции, но и самое опасное — снижение производительности труда в сельском хозяйстве в связи с оттоком молодежи, постарением деревни. Хрущевская «сверхпрограмма» сселения деревень, строительства «агрогородов» была прежде всего ориентирована на молодежь, подрастающее поколение, содержала, несомненно, «рациональное зерно», однако, недостаточно подкреплена материально, плохо просчитана по времени, замыслы и планы реформатора значительно опережали возможности государства. А молодежь не хотела и не могла долго ждать...

Говоря о нехватке продовольствия, следует учитывать и значительный рост потребностей в продуктах питания как горожан, так и селян в связи с хрущевскими реформами, особенно на первом их этапе. Так, довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 50-х гг., а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса. В семьях рабочих уровень потребления был значительно выше, даже и после повышения цен в 1962 г.⁹ Здесь несомненно сказалось позитивное значение реформ.

Нельзя не сказать и о таком факторе, сдерживавшем развитие сельского хозяйства в начале 60-х гг., как отвлечение значительных средств от аграрного сектора в пользу военно-промышленного комплекса, втягивание СССР, несмотря на многочисленные миротворческие заявления Хрущева, в гонку вооружений. Яркий тому пример — Карибский кризис 1962 г. На склоне жизни он был вынужден признать, что форсированное ракетостроение в стране имело и свои «отрицательные стороны», поскольку «зря выбрасывало деньги из бюджета и истощало наши финансовые возможности»¹⁰.

Таким образом, сельскохозяйственное производство, в том числе его ведущая зерновая отрасль, в годы семилетки как по объективным, так и субъективным причинам, все больше отставало от потребностей населения, не могла удовлетворить и нужды животноводства в кормах. Зерновая проблема, о решении которой Хрущев опрометчиво объявил в конце 1958 г., вновь обострилась. Возник и стал углубляться продовольственный кризис.

В конце 1963 — начале 1964 г. Хрущев полностью осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьского пленума 1953 г. В феврале 1964 г., выступая с докладом на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов, он подчеркнул большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширении прав колхозников, обратил внимание на то, что в ЦК партии и Совет Министров СССР поступают письма председателей колхозов, специалистов, рядовых колхозников, свидетельствующие о том, что местные органы в последнее время грубо нарушают эти постановления, навязывают колхозам планы сева по культурам, структуру посевных площадей, чем парализуют деятельность руководителей хозяйств, глушат инициативу колхозников. А затем зачитал отрывки из нескольких писем, подчеркнув, что это не единичные случаи и проинформировал местных начальников, что готовится постановление партии и правительства, в котором осуждается администрирование и извращения принятых решений. И даже пригрозил, что к тем руководителям, которые не сделают выводов, будут применяться другие меры, в том числе карательные, и «тогда будет меньше любителей командовать колхозами, администрировать»¹¹.

Новый курс аграрной политики был окончательно определен и обоснован на двух последних «сельскохозяйственных» пленумах, прошедших под руководством Хрущева. Первый, в декабре 1963 г., посвященный уско-

ренному развитию химической промышленности как важнейшему условию подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа; второй (своего рода знаковый) — в феврале 1964 г., на котором в комплексе рассматривались меры по интенсификации сельскохозяйственного производства (применение удобрений, развитие орошения, комплексной механизации, внедрение достижений науки и передового опыта). Было четко определено, что интенсификация — это генеральное направление в подъеме сельскохозяйственного производства, столбовая дорога развития производительных сил, раскрыто содержание трех основных составляющих этого процесса — комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства. Подчеркнуто значение последовательной специализации сельскохозяйственного производства в зональном разрезе и внутри хозяйств, создания крупных специализированных и высокомеханизированных хозяйств по определенным видам товарной продукции с ориентацией на крупные города и промышленные центры.

Был принят ряд партийно-государственных решений по реализации программы интенсификации сельского хозяйства и решения социальных проблем. Среди них — постановление ЦК и Совета Министров СССР от 3 сентября 1964 г. об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе, в котором отмечалось, что созданные за последние годы вокруг крупных городов и промышленных центров птицефабрики, используя передовые методы организации производства и достижения науки, добились значительного повышения производительности. Подавляющее большинство птицефабрик рентабельны, вложенные государством в их организацию средства быстро окупаются. Было создано союзно-республиканское управление птицеводческой промышленностью СССР — Птицепром, намечена программа его дальнейшего расширения. Это было первое в общесоюз-

ном масштабе агропромышленное объединение — в дальнейшем полностью себя оправдавшее.

А 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, в котором впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Вводились пенсии по старости для мужчин-колхозников с 65 лет и женщин — с 60 лет. Выплаты производились из центрального фонда, созданного за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету СССР.

Общую оценку реформ первого постсталинского реформатора дали участники мартовского пленума 1965 г., как докладчик (Л.И.Брежнев), так и все выступавшие. Фактически была признана необратимость хрущевских реформ, весьма высокую оценку получил курс сентябрьского пленума 1953 г., которым, как вытекало из намеченных пленумом «неотложных мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства», решили следовать и дальше с некоторыми дополнениями. Новаций как таковых было немного — основных две: введение плана заготовок сельскохозяйственных продуктов на ряд лет с надбавками за сверхплановую сдачу пшеницы и ржи на 50% и повышение капитальных вложений в аграрный сектор. А.А.Никонов, безусловно, прав, когда пишет, что «решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и последовавшие за ним меры были в русле политики, обозначенной сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК... Поворот на путь, намеченный Н.С.Хрущевым в первые годы его руководства, оказался и на этот раз благотворным. Он дал заметный рост производства»¹².

А вот оценка М.С.Горбачева: «После 1953 года были предприняты довольно крупные экономические, политические, организационные меры, направленные на укрепление сельского хозяйства. В соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС введены более обоснованные закупочные цены на продукцию сель-

ского хозяйства, провозглашен принцип планирования снизу, упорядочена налоговая политика. Повысилась материальная заинтересованность тружеников села, стали вводиться пенсии, отменяться ограничения паспортного режима. Колхозы получили право вносить изменения в свои уставы с учетом местных условий. Была реализована крупная программа освоения 42 миллионов гектаров целинных и залежных земель... Сельское хозяйство стало двигаться вперед высокими темпами»¹³.

Правда, все это было сказано с акцентом на 1953–1958 гг. Однако, как было показано выше, и в годы семилетки продолжался рост аграрного производства при снижении темпов прироста валовой и товарной продукции. Имел место продовольственный кризис, резкое отставание зерновой и животноводческой отраслей от потребностей населения. А основная причина – серьезные просчеты в аграрной политике, лично Хрущева, не сумевшего правильно оценить характер и глубину происходивших в деревне деконструктивных процессов, вовремя исправить или смягчить ситуацию. На мой взгляд, хрущевские аграрные реформы – это, прежде всего, прорыв нескольких звеньев сталинской закоряченной административно-бюрократической системы, ликвидация крайних проявлений тоталитарного режима, завершившиеся впечатляющими результатами. В начале 60-х гг. были сбои и пробуксовки, возвращение к методам администрирования, принимались ошибочные решения. В то же время в 1963–1964 гг. были определены пути и способы дальнейшего движения вперед на основе углубленной интенсификации и модернизации аграрного сектора экономики, сделаны важные шаги по реализации этого курса. В начале 1964 г. сельскому хозяйству были выделены «самые крупные капиталовложения за всю историю советской власти» – только на производственные цели 5,4 млрд.руб. против 985 млн.руб. в 1953 г.¹⁴ В ноябре 1964 г. Хрущев намечал провести специальный пленум ЦК по вопросам сельского хозяйства, среди которых и вопрос о

реорганизации руководства отраслью (ликвидация колхозно-совхозных управлений, уточнение структуры партийного руководства).

Разумеется, все эти новации, определения «нового курса» — моделирование на основе социалистической парадигмы. Никакие альтернативные варианты, основанные на допущении перехода к многоукладной экономике, свободного развития семейных, а тем более фермерских крестьянских хозяйств, предпринимательской деятельности селян не предусматривались. До признания права земледельцев на свободный выбор той или иной формы хозяйствования (кроме колхозно-совхозной), в том числе основанной на частной собственности на землю, было еще очень далеко. Такое Хрущеву и другим социалистическим реформаторам его поколения, зафиксированным на «социалистической системе сельского хозяйства» (в ленинско-сталинской интерпретации), не могло присниться даже в страшном сне. Грозным предупреждением звучало одно из высказываний Ленина, канонизированных Сталиным в Кратком курсе Истории ВКП(б): «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель»¹⁵.

Однако время, отпущенное Хрущеву историей, подходило к концу. Рейтинг реформатора стремительно падал. Терпение иссякло как у народа, недовольного значительным повышением («временным») розничных цен на основные продукты животноводства, притеснением владельцев приусадебных хозяйств, началом массовых закупок зерна на Западе и др., так и у правящей верхушки КПСС, особенно возмущавшейся полным попранием в аграрной сфере норм и принципов «коллективного руководства», своеволием лидера партии и государства. Принятые в 1963–1964 гг. решения имели в основном долговременный характер. Изменить ситуацию в пользу Хрущева, на мой взгляд, могли (если могли) только решения немедленного действия и прежде всего постановления

правительства о снижении розничных цен на продукты животноводства (хотя бы частичном); о строжайшем запрете ущемлять интересы граждан (колхозников, работников совхозов, горожан) в ведении приусадебного хозяйства; отказе от позорных для России закупок зерна за рубежом (урожай 1964 г. это позволял; он, по иронии судьбы, был самым высоким за все годы хрущевского периода — 152,1 млн. т против 134,7 млн. в рекордном 1958 г.). Надо было исправить три «роковые ошибки», допущенные реформатором. Этого сделано не было. Развязка приближалась.

И тем не менее, есть основание говорить о трех периодах аграрных реформ Хрущева, третий из которых (1963–1964 гг.) был связан с разработкой нового курса и началом его осуществления.

В заключение — два весьма поучительных, малоизвестных факта из истории аграрного реформирования Хрущева. Первый относится к декабрю 1959 г. В речи на пленуме ЦК Хрущев решительно отверг предложение некоторых зарубежных «доброжелателей», которые советовали России покупать водку за границей. «Зачем же нам, — заявил он, — покупать водку на стороне? Мы вам свою можем предложить, пожалуйста, покупайте». Второй, заимствованный из беседы Хрущева с министром сельского хозяйства США О.Л.Фримэном в июле 1963 г. Тот настойчиво предлагает: «У меня, г-н Председатель, своя проблема. Я готов продать вам значительное количество птицы (бройлеров). Этот продукт очень хороший и дешевый». Хрущев: «Мы сами создадим у себя бройлерное производство и будем иметь достаточно птицы... А вот машины для производства минеральных удобрений и комбикормов мы у вас купим»¹⁶.

Неплохие рекомендации для реформаторов новой России! Стоило бы к ним прислушаться 10–15 лет назад.

¹ Российский Государственный Архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 45. Д. 384. Л. 20–24.

- 2 *Безнин М.А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965. Вологда, 1991; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980 годы. М., 1996; *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. Гл. 8, 9; //Вопросы истории. 1998. № 3–12.
- 3 *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 4. М., 1963. С. 162–186.
- 4 Пленум ЦК КПСС 5–9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. М., 1962. С. 21, 64–65.
- 5 РГАНИ. Ф. 89. Перечень 6. Док. 6, 14; Исторический архив. 1993. № 1. С. 114–118.
- 6 Пленум ЦК КПСС 9–13 декабря 1963 г. Стеногр. отчет. М., 1964. С. 9.
- 7 Народное хозяйство СССР в 1963 году. М., 1964. С. 549, 550; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти 1945–1991. М., 1998. С. 370.
- 8 Население СССР 1987. Статистич. сборник, 1988. С. 8; Пленум ЦК КПСС 24–26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 162.
- 9 История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 333–335.
- 10 См.: *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* Проблемы внешней политики; *Быстрова И.В.* Развитие военно-промышленного комплекса. СССР и холодная война. М., 1995. Гл. 2, 6.
- 11 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т.8. С. 523–528.
- 12 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 232.
- 13 Материалы Пленума ЦК КПСС 15–16 марта 1989 года. М., 1989. С. 44.
- 14 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 8. С. 465–466.
- 15 История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 274.
- 16 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 121–122; Т. 8. С. 48–49, 57.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н.А.Ивницкий:

Вы говорили об аграрной политике Хрущева, отталкиваясь от предыдущей политики Сталина, но между Сталиным и Хрущевым был еще Маленков. Каково место его и тех реформ, которые были начаты Маленковым?

И второй вопрос в связи с этим. По поводу так называемой антипартийной группы с примкнувшим Шепиловым, которая в 1957 г. выступала также и с критикой политики Хрущева в области сельского хозяйства, капиталовложений, освоения целины и т.д.

И.Е.Зеленин:

Вопрос в отношении Маленкова.

Я полностью разделяю точку зрения, которую в последнее время очень активно и документированно обосновывает Юрий Николаевич Жуков. (См. его статью в «Независимой газете» от 27 мая 1997 г. «Тихая десталинизация»). Эта точка зрения заключается в том, что Маленков фактически первым начал борьбу с культом Сталина и сделал важные шаги по реформированию сельского хозяйства. В частности, были значительно снижены налоги на колхозы и колхозников, уменьшены поставки натуральной продукции личных подсобных хозяйств. Хрущев пошел значительно дальше по этому пути, но пальма первенства принадлежала Маленкову. В докладе на сентябрьском пленуме ЦК 1953 г. Хрущев почти дословно воспроизвел ряд формулировок из речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР, в августе 1953 г., разумеется, без каких-либо ссылок на нее, а позже, в январе 1955 г. резко критиковал ее основные положения.

На сентябрьском пленуме некоторые секретари обкомов партии в своих выступлениях, как бы дополняя доклад Хрущева, отмечали заслуги Маленкова в реформировании сельского хозяйства. Отчасти поэтому Хрущев запретил публикацию стенограммы этого пленума, поскольку претендовал на пост главы правительства.

Теперь — по поводу июньского пленума 1957 г.

Если по большому счету, — то этот пленум я расцениваю как последнюю вылазку сталинистов против Хрущева, который слишком далеко, на их взгляд, зашел в критике культа Сталина (закрытый доклад на XX съезде КПСС) и мерах по преодолению его последствий. Ма-

ленков являлся сторонником «тихой десталинизации», Молотов и Каганович открыто стремились к реставрации сталинского режима.

В то же время оппозиционерами было высказано немало справедливых критических замечаний в адрес Хрущева и его аграрной политики, но не этим отнюдь определялась основная линия их поведения, цели и задачи предпринятой акции. «Последняя антипартийная группа», по терминологии авторов публикации в журнале «Исторический архив» (1993, № 3) — по существу была антихрущевской, добивавшейся отстранения лидера партии от власти.

А.Н.Сахаров:

В прессе встречается точка зрения о том, что истинными реформаторами были Маленков, раньше — Берия, которые выдвигали очень серьезные проекты в рамках системы, и что Хрущев блокировал все эти тенденции, практически сохраняя некоторые реформистские направления, в то же время явил собой пример неосталинизма против истинно реформаторских поползновений Берии и Маленкова. Об этом пишут у нас, об этом пишут на Западе. Как вы к этому относитесь?

И.Е.Зеленин:

В отношении Маленкова я уже определил свою точку зрения, считаю его предшественником Хрущева в реформировании сельского хозяйства. В отношении Берии — вопрос сложный. Конечно, отрицать предпринятые им меры (в большинстве случаев только декларированные) по реформированию сталинского режима было бы неправильно. Но в оценке их я бы согласился с определением Маленкова в докладе на июльском пленуме ЦК 1953 г. Указ «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. он назвал «совершенно правильным», но подчеркнул, что Берия при этом исходил из планов захвата власти, «проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил континген-

ты, которых не надо было освобождать» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 140-147). А в результате, добавлю от себя, мы получили «Холодное лето 1953 года».

Этими и другими мерами Берия расчищал себе путь к власти (других путей для него просто не было). Нетрудно предположить, каким бы «антисталинистом» и «демократом» оказался сталинский палач, придя к власти. Различные оценки «роли Берия как «политика-реформатора» высказали А.А.Данилов и Е.Э.Бейлина. (См.: Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1995. С. 235-246), при этом делались ссылки на мемуары сына Берия (см.: Берия С.Л. Мой отец, Лаврентий Берия. М., 1994). Возможно, именно эта книга стала толчком для «новых подходов».

А.К.Соколов:

Мне хотелось бы, чтобы вы поставили точки над «и» в своих выводах. Первый вопрос. С чем все-таки была связана неудача аграрных реформ, преобразований Хрущева? Как вы считаете, колхозная система в принципе неререформируема и неэффективна, или ваш рецепт внедрения разных укладов был бы спасением?

Второй вопрос. Вы очень часто употребляете термин «тоталитаризм», «загнивающий тоталитаризм». Я не являюсь сторонником теории тоталитаризма. Дело в том, что этот период в тсталитарную модель, в тоталитарную концепцию очень плохо укладывается. Даже в зарубежной историографии этот период назывался периодом релаксации тоталитаризма. Кто же все-таки являлся выразителем тоталитарных тенденций в этот период при Хрущеве – сам Хрущев или тот аппарат, та партийная верхушка, которая его снесла?

И.Е.Зеленин:

Я не считаю, что аграрные реформы Хрущева закончились неудачей. Статистика свидетельствует, что падения производства даже в годы семилетки не было, можно

говорить только о снижении темпов роста сельскохозяйственной продукции. Об этом речь шла в докладе.

Подчеркну еще раз, что возникшая при Сталине «Социалистическая система сельского хозяйства» с трудом поддавалась реформированию, тем более радикальному. Да и Хрущев к этому не стремился. Если бы даже он попытался «до основания» разрушить колхозно-совхозную систему, ничего хорошего не могло получиться. В этом мы убедились на «опыте» современных реформаторов. В основе его реформирования, порой противоречивого, непоследовательного, преобладало стремление превратить колхозную собственность в подлинно кооперативную, групповую, предоставить право колхозникам самим решать проблемы управления, планирования, распоряжаться производимой продукцией и т.д. На его взгляд это было «возвращением к Ленину». Кое-что в этом отношении сделать удалось, были устранены крайности тоталитарной, если хотите, административно-командной системы управления в аграрном секторе.

О развитии элементов многоукладности, на мой взгляд, можно говорить (с известными оговорками) применительно к приусадебным хозяйствам. В 1953–1958 гг. на их основе наблюдалось оживление товарно-денежных отношений, предпринимательской деятельности, строительство жилья и производственных помещений на подворьях.

Вряд ли можно сомневаться в том, что именно Хрущев, преодолевая немалое сопротивление ближайшего сталинского окружения (Молотова, Кагановича, отчасти Маленкова, Ворошилова и др.), опираясь на новую генерацию кремлевских руководителей, поддержавших его на XX и XXII съездах КПСС, нанес сокрушительный удар по сталинизму, сделал проведенные реформы необратимыми. Это показал даже мартовский пленум ЦК 1965 г., в основу решений которого были положены (с некоторыми новациями) хрущевские реформы 1953–1958 гг. Если даже гипотетически предположить, что на пленуме

1957 г. победу одержала бы антихрущевская группа Молотова — Кагановича — Маленкова, восстановить бы сталинскую систему в прежнем виде не удалось: слишком далеко зашел процесс преобразований не только в политической, но и в социально-экономической сфере. Так, Хрущеву удалось разрушить и в основном ликвидировать последствия сталинской системы всеобщего подслушивания и доноительства, системы подозрительности и страха. Люди перестали бояться, стали открыто выражать свое мнение, говорить правду. Приведу такой пример. В речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада в апреле 1955 г. Хрущев, исходя из того, что не все глубоко осознали огромное значение кукурузы, процитировал такое высказывание директора одного из совхозов: «К решениям январского пленума ЦК (1955 г.) надо подходить вдумчиво, а то получается, что всю планету хотим засеять кукурузой». «Надо, — потребовал Хрущев, — работать с такими людьми». Аудитория реагировала на этот пассаж смехом и нелестными для лидера партии репликами. (См.: Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 2. С. 118-119). Поддержали по существу не Хрущева, а его оппонента.

Да и члены «антипартийной группы», замышляя и реализуя антихрущевский заговор, были уверены, что и в случае неудачи до сталинских расправ и кровавых репрессий дело не дойдет. Глава партии твердо стоял на этих позициях. Даже участники брежневского «дворцового переворота» в октябре 1964 г. были вполне уверены, — что и в случае провала заговора Хрущев их в казематы не упрячет, а тем более не расстреляет. Это понимал и «примкнувший к ним Шепилов», антихрущевские мемуары которого, далекие от объективности, были недавно опубликованы (Вопросы истории. 1998. № 3-12).

Полагаю, что если бы автор завершил свои воспоминания не в 1991 г., а двумя-тремя годами позже, когда была опубликована стенограмма июньского пленума

1957 г. (Исторический архив. 1993–1994), он писал бы иначе. Его позиции, как видно из стенограммы, значительно расходятся с мемуарной версией. В отличие от Молотова, он вел себя на пленуме далеко не безупречно: двурушничал, оправдывался, вымаливая прощение, называл себя «маленьким человеком». И потом: как сложилась судьба Шепилова? Он вскоре получил пост директора Института экономики АН Киргизии. Потом были кое-какие неприятности, но в тюрьму не посадили, без работы и пенсии не оставили, благополучно дожил до глубокой старости.

Г.Д.Алексеева:

Илья Евгеньевич, проходили ли через ваши документы вот такого рода факты? Вы говорили, что начали обращаться к золотому запасу страны, когда поняли, что реформы зашли в тупик. А у меня есть такие факты, что к золотому запасу страны стали обращаться в 1958–1959 гг. По инструкции, разосланной по нашим музеям, которую, в частности, получил и Исторический музей, мы составляли список. Там прямо говорилось: «по заданию Хрущева выявлять экспонаты золотого и серебряного содержания на предмет их продажи и вывоза за границу». Но музейные работники народ очень хитрый, и я очень хорошо помню (я там работала), как мы прятали очень большой ценности с большим весом золотые вещи, которые Хрущев договаривался продать во Франции.

И второе. В это же время, в 1958–1959 гг., Третьяковка получила указание (я очень хорошо помню это), что за границу будут вывозиться запасники галереи, которых мы никогда не видели, и директор этого запасника Розенталь разрешила С.С.Дмитриеву с большой группой сотрудников музея и аспирантов посмотреть запасники. Три раза мы посещали эти запасники на предмет последнего просмотра этих картин, которых, повторяю, никто, никогда, даже наши художники, не видели. И был составлен большой список — Кандинский, Шагал, Альт-

ман. Розенталь называла очень много картин художников, которые должны были «уехать» за границу. По вашим документам проходили какие-то директивы?

И.Е.Зеленин:

То, о чем вы говорите — картины, музейные экспонаты и т.п. — не входят, как мне представляется, в понятие «золотой запас» страны. Это нечто другое — то, что лежит в банке, в Гохране, хранится в слитках. Приводимые в докладе данные заимствованы из фундаментального исследования Р.Г.Пихоя, который извлек их из Президентского архива. Не могу согласиться с тем, что Хрущев начал расходовать золотой запас, когда реформы зашли в тупик. Он воспользовался им всего один раз — в 1963 г., дабы не допустить трагедии 1946–1947 гг., когда от голода погибли сотни тысяч россиян.

Г.Д.Алексеева:

Второй вопрос. Рассматривались ли на партийных заседаниях такие вопросы, как возвращение к применению гербицидов и биостимуляторов в сельском хозяйстве, которые были запрещены при Сталине?

И.Е.Зеленин:

Хрущев получал гербициды из США после встречи с Гарстом; они применялись в крайне ограниченных размерах. Когда Гарст в начале 60-х гг. приехал в СССР, он возмущался тем, что кукурузу сеют на огромных площадях, не применяя гербициды, что, по его мнению, недопустимо. Данными о применении биостимуляторов я не располагаю. Думаю, что не применяли, это началось значительно позже.

Н.А.Ивницкий:

В оценке деятельности Хрущева, вы считаете, что это сплошной этап, который надо оценивать одинаково или можно подразделить эту деятельность на этапы: когда он

позитивную роль играл и когда он стал играть уже другую роль.

И. Е. Зеленин:

Я разделяю деятельность Хрущева по аграрному реформированию не на два, а на три этапа:

Первый — это 1953—1958 гг., причем обращаю внимание, что и в этот период проводились акции, которые противоречили курсу на подъем сельского хозяйства: в конце 50-х гг. начались гонения на приусадебные хозяйства, поспешно, с большими издержками проведена реорганизация МТС и др. А период семилетки я подразделяю на два этапа: 1959—1962 и 1963—1964 гг., на последнем из них Хрущеву все же удалось определить новый курс аграрного реформирования, основанный на глубокой и последовательной интенсификации, и сделать важные шаги по его осуществлению.

А. С. Сенявский:

Вы сказали, что в 1963—1964 гг. произошел мощный взрыв в притоке сельского населения в город и оценили это однозначно негативно.

И. Е. Зеленин:

Я упомянул об этом в связи с объяснением, почему нам не стало хватать продуктов: производителей стало значительно меньше, потребителей — больше.

А. С. Сенявский:

С моей точки зрения, тут есть как бы разные стороны. Есть общемировая тенденция в XX в. урбанизационного перехода, который сопровождает индустриализацию, модернизацию и интенсификацию сельского хозяйства, например сокращение количества рабочих групп в сельской местности. И производство одного и того же количества продукции меньшим количеством работников является одним из главных показателей интенсификации производства. Если сохранять это количество, речь идет

именно об интенсивной форме развития производства. Чем же, собственно, являлся этот процесс — проявлением объективных тенденций, которые и прорвались через ликвидацию сталинских указов 1932 г., и целого ряда других, короче говоря, социальной политики по сдерживанию миграционных процессов из села в город, или это было проявлением исключительно неудачных моментов в политике самого Хрущева?

И.Е.Зеленин:

В широкой постановке — это и то, и другое. Но в 1960—1964 гг. преобладала нерегулируемая миграция, причем известный историк-аграрник В.П.Попов употребляет применительно к этой миграции термин «бегство из деревни». Строго говоря, этот термин неточен, потому что был добровольный переход крестьян из деревни в город, о чем говорилось в докладе. Это была миграция нерегулируемая, но разрешенная. Была свобода выбора селянами места проживания и профессии. Однако, какие бы реформы не проводились, город оставался местом, где можно было лучше и быстрее устроить личную жизнь, получить более престижную и оплачиваемую работу и т.п. Аграрная политика, направленная на всемерную поддержку крестьян, с начала 60-х гг. стала буксовать, вновь возобладали административные методы руководства, началось укрупнение колхозов и сселение деревень. И, вполне естественно, начался массовый неконтролируемый властями стремительный отток молодежи в город, нанеший значительный урон сельскому хозяйству, спровоцировавший потребительский кризис.

Ю.А.Поляков:

Мы заслушиваем на Ученом совете научные доклады, чтобы сделать какие-то масштабные выводы, поразмышлять над судьбами наших преобразований и реформ. В докладе И.Е.Зеленина много нового, много интересного.

Сложность доклада заключается в том, что здесь были две стороны — аграрная тематика и тематика политическая. Политическая тематика, судя по вопросам, видимо, людей интересовала больше. Они неразрывно связаны и в докладе показано и то, и другое. Выводы автора представляются разумными и правильными. Выскажу два соображения общего порядка.

Мне кажется, что одной из причин наших неудач является стремление к массовости и компанейщине. Это проявлялось и во времена Сталина, и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве, проявляется и донныне. И это приносило огромный вред.

Кукуруза. Очень полезная вещь — она дает зерно, силос, это очень выгодная культура.

Характерно, что после неурожая 1921—1922 гг., когда стали восстанавливать сельское хозяйство, то больше всего (тогда это происходило стихийно, снизу) выросли в 1922 и 1923 гг. посевы кукурузы. Крестьянин понимал, что это выгодно — быстро реализуется.

Поэтому идея Хрущева о том, чтобы увеличить посевы кукурузы была правильной и разумной. Но массовость и компанейщина сделали кукурузу посмешищем и нанесли вред. В сельском хозяйстве нужно иметь опыт выращивания каждой культуры, специфический опыт, который накапливается годами. Нужно выбрать участок, более подходящий для данной культуры. А когда давались директивы на область, на десятки тысяч гектаров, на половину посевной площади колхоза, то все это привело к неудаче в этом в общем разумном и правильном начинании.

То же относится и к антиалкогольной кампании Горбачева. Пьянство в нашей стране может обернуться и уже оборачивается национальной трагедией. Борьба с алкоголизмом — это насущная, важнейшая задача государства. То, что сейчас это спущено на тормозах — большая беда, которая еще скажется и будет сказываться десятилетиями.

Но то, что проводилось при Горбачеве, принимало уродливые формы, потому что нужно было не просто бороться с пьянством, хотя можно было найти десятки более эффективных, достаточно строгих форм. Но нужно было охватить всех, всю страну, все население. И превратилось в элементарную глупость.

В этой связи, я думаю, что экономические реформы, проводимые сверху тогда, когда они недостаточно назрели и когда не продуман механизм их реализации, не удаются. В этом объяснение значительных неудач социалистического строительства.

Историки должны делать выводы и подсказывать. Но мы не настолько наивны, чтобы не понимать, что подсказывать-то мы можем, но слушать нас не будут — некому. Однако все-таки это наш научный и гражданский долг. Во всяком случае в рамках такой страны, как наша, надо создавать экспериментальные поля, полигоны: сначала провести это в рамках одной области, двух областей, проверить и т.д., потому что одна ошибка, умноженная на 89 регионов, влечет за собой порой катастрофические последствия.

Реформы — дело серьезное, в особенности в экономической области, именно потому, что они «сверху» проводились непродуманно, не учитывая особенностей и специфики различных регионов, множества других факторов, без подготовки, без механизма, без полигонной проверки.

Второе соображение. Политикам очень опасно врать. С Н.Хрущевым, например, как получилось? Он сначала выступал перед народом, и после сталинского величавого безмолвия это производило впечатление. Он говорил тогда открыто и большей частью правду. Это народу нравилось. А потом, когда дела пошли хуже, он стал привирать — и народ это увидел и понял. Ведь он объяснял, и это было хорошо, когда повысили цены на мясо на 35%. И хотя повышение цен никому и никогда не нравится, но народ это принял! (В.Б.Жиромская: А кто его спросил, народ-то?).

Ну почему же, по реакции можно было понять. Обратная связь есть. Хрущев, когда первый раз мы закупали хлеб, заявил: это первый и последний раз. И ему поверили: ну что ж, беда, не получилось — надо закупить... Закупили. А потом на следующий год, когда опять хлеб стали закупать, он снова говорит: это в последний раз. Н.Н.Иноземцев, который был заместителем редактора «Правды», рассказывал мне, как они это его второе выступление подредактировали, и слова о том, что «больше мы закупать никогда не будем», выбросили.

И последнее. Мы часто сетуем по поводу того, что плохо было с продовольствием. Да, было плохо с продовольствием по разным причинам, но всегда почему-то забывается один чрезвычайно важный фактор: население нашей страны после гражданской войны составляло 135 млн. Его надо было накормить — и, в общем, в 20-е гг. кормили, хотя возникали трудности с продовольствием. Но уже в 80-е гг. население страны подходило к 300 млн. Ведь это же разница, это же надо всегда учитывать.

Поэтому я советую нашим аграрникам учитывать факторы и демографические, и политические, и морально-психологические.

Г.Д.Алексеева:

Мне кажется, что основной очень большой недостаток всех реформ Хрущева — это, во-первых, абсолютное незнание того, в какой стране мы живем, что представляет собой наше сельское хозяйство и что это такая тонкая область и тонкая материя по отношению к аграрной стране, которую понимали даже наши правители до революции, отсталые и темные. Они прекрасно понимали, что должна быть не всеобщая, а региональная аграрная политика. Это очень важно проследить по документам, как региональная аграрная политика воплощалась в новациях Хрущева.

Л. Н. Нежинский:

Я хотел бы высказать свое мнение, подвести итоги.

Доклад был интересный, продуманный, построен на спокойной объективной научной основе. Это самое главное. И в то же время он свидетельствует, что это один из этапов исследования очень непростого, сложного комплекса проблем истории России, истории Советского Союза, который, как мне кажется, и по постановке проблем, и по их анализу, и в значительной мере по выводам выходит за рамки только аграрной проблематики. Речь идет о комплексе проблем, самым тесным образом связанных с нашей общей гражданской историей. Можно предложить автору и дальше столь же активно разрабатывать эту тематику и привлекать новые материалы.

Еще одна важная и интересная проблема — изучение документов, касающихся механизма принятия решений, в том числе в аграрной области. Мы пишем — «Хрущев, Хрущев, Хрущев», но не он же на 100% вырабатывал эти решения. У него был довольно сильный штат помощников по всем отраслям и направлениям внутренней и внешней политики. Сегодня эти документы постепенно становятся доступными. У Хрущева не просто были помощники в виде секретарей, это были облеченные большой властью и большими возможностями высшие партийно-государственные функционеры, у каждого из которых был свой довольно большой штат специальных сотрудников, и они играли большую роль в выработке конкретных решений, конкретных вех, тенденций, направлений в области политики, внешней и внутренней, в том числе и в области сельского хозяйства.

Доклад интересный, следует дальше углублять и разрабатывать поднятый в нем важный комплекс исторических проблем.